

ХУЛИО
КОРТАСАР

A decorative flourish consisting of three interlocking loops, positioned centrally below the name.

ХУЛИО
КОРТАСАР

ВРАТА НЕБА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.134.2-31(82)
ББК 84(7Apr)-44
К69

Серия «Игры Хулио Кортасара»

Julio Cortázar

BESTIARIO
FINAL DEL JUEGO
LAS ARMAS SECRETAS
HISTORIAS DE CRONOPIOS Y DE FAMAS

Перевод с испанского

Оформление обложки *В. Половцева*

Печатается с разрешения наследников автора
и литературного агентства Agencia Literaria Carmen Balcells, S.A.

Кортасар, Хулио.

К69 Врата неба : [сборник : перевод с испанского] / Хулио Кортасар. — Москва : Издательство АСТ, 2015. — 512 с. — (Игры Хулио Кортасара).

ISBN 978-5-17-091702-0

Хулио Кортасар. Первый из «золотой троицы» латиноамериканской прозы середины прошлого века Кортасар — Борхес — Маркес, непревзойденный мастер испаноязычной литературы.

В книгу вошли авторские сборники писателя «Бестиарий», «Конец игры», «Тайное оружие» и «Истории о кронопах и славах».

УДК 821.134.2-31(82)
ББК 84(7Apr)-44

ISBN 978-5-17-091702-0

© Heirs of Julio Cortázar, 1951, 1964, 1959, 1962
© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

Бестиарий

ЗАХВАЧЕННЫЙ ДОМ*

Дом нравился нам. Он был и просторен, и стар (а это встретишь не часто теперь, когда старые дома разбирают выгоды ради), но главное — он хранил память о наших предках, о дедушке с отцовской стороны, о матери, об отце и о нашем детстве.

Мы с Ирене привыкли жить одни, и это было глупо, конечно, — ведь места в нашем доме хватило бы на восьмерых. Вставали мы в семь, прибирали, а часам к одиннадцати я уходил к плите, оставляя на сестру последние две-три комнаты. Ровно в полдень мы завтракали, и больше у нас дел не было, разве что помыть тарелки. Нам нравилось думать за столом о большом тихом доме и том, как мы сами, без помощи, хорошо его ведем. Иногда нам казалось, что из-за дома мы остались одинокими. Ирене отказала без всякого повода двум женихам, а моя Мария Эстер умерла до помолвки. Мы приближались к сорока и верили, каждый про себя, что тихим, простым содружеством брата и сестры должен завершиться род, поселившийся в этом доме. Когда-нибудь, думалось нам, мы тут умрем; неприятливые родичи завладеют домом, разрушат его, чтоб использовать камни и землю, — а может, мы сами его прикончим, пока не поздно.

* Casa tomada

© Перевод. Н. Трауберг, наследники, 2003

Ирене отроду не побеспокоила ни одного человека. После утренней уборки она садилась на тахту и до ночи вязала у себя в спальне. Не знаю, зачем она столько вязала. Мне кажется, женщины вяжут, чтоб ничего не делать под этим предлогом. Женщины — но не Ирене; она вязала все нужные вещи, что-то зимнее, носки для меня, кофты — для себя самой. Если ей что-нибудь не нравилось, она распускала только что связанный свитер, и я любил смотреть, как шерсть в корзине сохраняет часами прежнюю форму. По субботам я ходил в центр, за шерстью; сестра доверяла мне, я хорошо подбирал цвета, и нам не пришлось менять ни клубочка. Пользуясь этими вылазками, я заходил в библиотеку и спрашивал — всегда безуспешно, — нет ли чего нового из Франции. С 1939 года ничего стоящего к нам в Аргентину не приходило.

Но я хотел поговорить о доме, о доме и о сестре, потому что сам я ничем не интересен. Не знаю, что было бы с Ирене без вязания. Можно перечитывать книги, но перевязать пуловер — это уже происшествие. Как-то я нашел в нижнем ящике комода, где хранились зимние вещи, массу белых, зеленых, сиреневых косынок, пересыпанных нафталином и сложенных стопками, как в лавке. Я так и не решился спросить, зачем их столько. В деньгах мы не нуждались, они каждый месяц приходили из деревни, и состояние наше росло. По-видимому, сестре просто нравилось вязание, и вязала она удивительно — я мог часами глядеть на ее руки, подобные серебряным ежам, на проворное мельканье спиц и шевеленье клубков на полу, в корзинках. Красивое было зрелище.

Никогда не забуду расположения комнат. Столовая, зал с гобеленами, библиотека и три большие спальни были в другой части дома, и окна их выходили на Родригес Пенья; туда вел коридор, отделенный от нас дубовой дверью, а тут, у нас была кухня, ванная, наши комнаты и гостиная, из ко-

торой можно было попасть и к нам, и в коридор, и — через маленький тамбур — в украшенную майоликой переднюю. Войдешь в эту переднюю, откроешь дверь и попадаешь в холл, а уж оттуда — и к себе и, если пойдешь коридором, в дальнюю часть дома, отделенную от нас другой дверью, дубовой. Если же перед этой дверью свернешь направо, в узкий проходик, попадешь на кухню и в ванную.

Когда дубовая дверь стояла открытой, видно было, что дом очень велик; когда ее закрывали, казалось, что вы — в нынешней тесной квартирке. Мы с Ирене жили здесь, до двери, и туда ходили только убирать — прямо диву даешься, как липнет к мебели пыль! Буэнос-Айрес — город чистый, но благодарить за это надо горожан. Воздух полон пыли — земля сухая, и, стоит подуть ветру, она садится на мрамор консолей и узорную ткань скатертей. Никак с ней не сладишь, она повсюду; смахнешь метелочкой — а она снова окутает и кресла, и рояль.

Я всегда буду помнить это, потому что все было очень просто. Ирене вязала у себя, пробило восемь, и мне захотелось выпить мате. Я дошел по коридору до приоткрытой двери и, сворачивая к кухне, услышал шум в библиотеке или в столовой. Шум был глухой, неясный, словно там шла беседа или падали кресла на ковер. И тут же или чуть позже зашумело в той, другой части коридора. Я поскорей толкнул дверь, захлопнул, припер собой. К счастью, ключ был с этой стороны; а еще, для верности, я задвинул засов.

Потом я пошел в кухню, сварил мате, принес сестре и сказал:

— Пришлось дверь закрыть. Те комнаты заняли.

Она опустила вязанье и подняла на меня серьезный, усталый взор.

— Ты уверен?

Я кивнул.

— Что ж, — сказала она, вновь принимаясь за работу, — будем жить тут.

Я осторожно потягивал мате. Ирене чуть замешкалась, прежде чем взяться за вязание. Помню, вязала она серый жилет; он мне очень нравился.

Первые дни было трудно — за дверью осталось много любимых вещей. Мои французские книги стояли в библиотеке. Сестре недоставало салфеток и теплых домашних туфель. Я скучал по можжевеловой трубке, а сестра, быть может, хотела достать бутылку старого вина. Мы то и дело задвигали какой-нибудь ящик и, не доискавшись еще одной нужной вещи, говорили, грустно переглядываясь:

— Нет, не здесь.

Правда, кое-что мы выгадали. Легче стало убирать: теперь, вставши поздно, в десятом часу, мы управлялись к одиннадцати. Ирене ходила со мной на кухню. Мы подумали и решили, что, пока я стряпаю полдник, она будет готовить на ужин что-нибудь холодное. Всегда ведь лень под вечер выползать к плите! А теперь мы просто ставили закуски на Иринин столик.

У сестры, к большой радости, оставалось больше времени на работу. Я радовался чуть меньше, из-за книг; но, чтоб не расстраивать ее, стал приводить в порядок отцовскую коллекцию марок и кое-как убивал время. Мы жили хорошо, оба не скучали. Сидели мы больше у сестры, там было уютней, и она говорила иногда:

— Смотри, какая петля! Прямо трилистник.

А я показывал ей бумажный квадратик, и она любовалась заморскою маркой. Нам было хорошо, но мало-помалу мы отвыкали от мыслей. Можно жить и без них.

Писать было бы не о чем, если б не конец. Как-то вечером, перед сном, мне захотелось пить, и я сказал, что пойду попить на кухню. Переступая порог, я услышал шум то ли в кухне, то ли в ванной (коридорчик шел вбок, и различить было трудно). Сестра — она вязала — заметила, что я остановился, и вышла ко мне. Мы стали слушать вместе.

Шумело, без сомнения, не за дверью, а тут — в коридоре, в кухне или в ванной.

Мы не глядели друг на друга. Я схватил сестру за руку и, не оглядываясь, потащил к передней. Глухие звуки за нашей спиной становились все громче. Я захлопнул дверь. В передней было тихо.

— И эту часть захватили, — сказала сестра. Шерсть волочилась по полу, уходила под дверь. Увидев, что клубки — там, за дверью, Ирене равнодушно выронила вязанье.

— Ты ничего не унесла? — глупо спросил я.

— Ничего.

Мы ушли в чем стояли. Я вспомнил, что у меня в шкафу пятнадцать тысяч песо. Но брать их было поздно.

Часы были тут, на руке, и я увидел, что уже одиннадцать. Я обнял сестру (кажется, она плакала), и мы вышли из дома. Мне стало грустно; я запер покрепче дверь и бросил ключ в водосток. Вряд ли, подумал я, какому-нибудь бедняге вздумается воровать в такой час; да и дом ведь занят.

ПИСЬМО В ПАРИЖ ОДНОЙ СЕНЬОРИТЕ*

Дорогая Андре, мне не хотелось перебираться в вашу квартиру на улице Суипача. Не столько из-за крольчат, сколько потому, что мне мучительно трудно прижиться в строго упорядоченном мирке, продуманном до мельчайшей частицы воздуха, а у вас в доме каждая такая частица при деле: оберегают мелодичный запах лаванды, пуховку, что вот-вот забьет лебедиными крыльями над пудреницей, голоса скрипки и виолы в квартете Рара. Я испытываю чувство горечи, когда вступаю в дом, где некто, живущий по законам красоты, разместил все предметы, словно зри-

* Carta a una señorita en Paris

© Перевод. А. Косс, наследники, 2003

мые повторы собственной души: тут книги (с одной стороны — на испанском языке, с другой — на английском и французском); тут зеленые подушки; на журнальном столике — стеклянная пепельница, похожая на мыльный пузырь в разрезе, и место ее установлено раз и навсегда, и повсюду какой-то особый аромат, какие-то привычные звуки; тут домашние растения — кажется, видишь, как они растут; тут фотография умершего друга, а ритуал чаепития с неизменным подносом и шипчиками для сахара... Ох уж этот скрупулезный порядок, который женщина устраивает в кокетливом своем жилище, как трудно противостоять ему, дорогая Андре, даже если приемлешь его, покорствуя всем своим существом. Какое преступное деяние — взять металлическую чашечку и переставить на другой край стола, переставить всего лишь потому, что ты привез свои английские словари и удобнее поместить их с этого края, чтобы всегда были под рукой. Сдвинуть эту чашечку все равно что увидеть вдруг на полотне Озанфана среди сдержанной игры оттенков жуть внезапного алого мазка, все равно что услышать, как в самый приглушенный миг какой-нибудь моцартовской симфонии разом лопнут струны всех контрабасов с одинаковой чудовищной резкостью. Сдвинуть эту чашечку значит нарушить гармонию взаимосвязей, установившуюся во всем доме, между всеми предметами, между живущей в этой чашечке душой — в каждый миг ее существования — и душой всего дома и далекой его владелицы. Стоит мне прикоснуться к какой-нибудь книге, обвести пальцем световой конус лампы, поднять крышку музыкальной шкатулки — и у меня такое чувство, будто я совершил святотатство или бросаю вызов, чувство бысролетное, словно мелькнувшая перед глазами воробьиная стайка.

Вы знаете, почему я оказался у вас в доме, в вашей тихой гостиной, куда тщетно просится полуденное солнце. Все представляется таким естественным, покуда правда

неизвестна. Вы отбыли в Париж, я поселился в квартире на улице Суипача, мы выработали простой и взаимовыгодный план вплоть до сентября, который возвратит вас в Буэнос-Айрес, а меня отправит куда-нибудь в новый дом, где, может статься... Но я не потому пишу вам, это письмо я вам посылаю из-за крольчат, мне кажется, вы должны быть в курсе; и еще потому, что мне нравится писать письма; а может быть, потому, что идет дождь.

Я переехал в прошлый четверг, в пять часов пополудни, среди тоски и тумана. За свою жизнь я столько раз запирал чемоданы, провел столько часов, собирая вещи перед путешествиями, которые никуда не привели, что весь четверг заполнили ремни и тени, потому что при виде чемоданных ремней мне словно бы мерещатся тени, тени от хлыста, которым меня истязают как-то исподволь, хитроумнейшим и невероятно жестоким способом. Но все-таки сложил чемоданы, позвонил вашей домоправительнице, что выезжаю, и вот я уже в лифте. Между вторым и третьим этажами я почувствовал, что меня сейчас вырвет крольчонком. Я так и не переговорил с вами заранее касательно этой моей особенности, но не из непорядочности, поверьте: не будешь же ни с того ни с сего объяснять людям, что время от времени тебя рвет живым крольчонком. Это всегда случалось со мною без свидетелей, вот я и предпочитал обходить сей факт молчанием — так же как обходишь молчанием столько разных разностей, которые постоянно вершатся (или сам ты вершишь), когда остаешься в полнейшем одиночестве. Не ставьте мне это в укор, милая Андре, не ставьте. Время от времени меня рвет крольчонком. Нельзя же по этой причине отказываться от жизни у кого-то в доме, и мучиться стыдом, и обрекать себя на затворничество и постоянное молчание.

Когда чувствую, что меня вот-вот вырвет крольчонком, я вкладываю себе в рот два пальца, раздвинутые, словно раскрытые щипчики, и жду, пока в горле не запер-

шит от теплого пушистого клубочка, поднимающегося вверх быстро-быстро, словно пузырьки, закипающие в воде от щепотки фруктовой соли. Все очень гигиенично, длится меньше мгновения. Вынимаю пальцы изо рта, зажав между ними уши белого крольчонка. Вид у крольчонка довольный, крольчонок как крольчонок, без малейшего изъяна, только совсем малюсенький, величиной с шоколадного, но белый, а так кролик по всем статьям. Кладу его на ладонь, ласково ерошу пушок кончиками пальцев, крольчонок словно бы радуется, что родился на свет, и копошится, и тычется мордочкой мне в ладонь, и щекочуще пожевывает кожу, как это в обычае у кроличьей братии. Ищет еду, и тут я (речь идет о том времени, когда я снимал квартиру в предместье) выношу кролика на балкон и сажаю в большой цветочный горшок, где растет клевер, который я специально высеял. Крольчонок ставит ушки строго вертикально, мгновенным движением хватает молоденький побег, я уже знаю, что могу оставить его и уйти, и в течение некоторого времени жить, как прежде, жизнью, ничем не отличающейся от жизни тех, кто покупает себе кроликов у кролиководов.

Итак, дорогая Андре, между вторым и третьим этажами я почувствовал, что меня вот-вот вырвет крольчонком; это было словно предвестие того, чем станет моя жизнь у вас в доме. Я ощутил мгновенный испуг (или удивление? Нет, скорее испуг — от собственного удивления, пожалуй), потому что как раз за два дня до переезда меня вырвало крольчонком и я был уверен, что месяц, а то и пять недель, шесть, если немного повезет, могу жить спокойно. Видите ли, кроличья проблема у меня была решена наилучшим образом. Там, в прежней квартире, я высеивал на балконе клевер, производил на свет крольчонка, сажал его в клевер и по истечении месяца, когда с минуты на минуту ждал появления нового, дарил уже подросшего кролика сеньоре де Молина, которая уверилась, что кролики — мое хобби,

и помалкивала. В другом горшке уже проклевывался молодой клевер, самый подходящий, и я беззаботно дождался часа, когда у меня снова запершит в горле от пушка и очередной крольчонок заживет жизнью и привычками предшественника. Привычки, Андре, — это конкретные обличья размеренности, та порция размеренности, которая помогает нам жить. Не так уж страшно, что тебя рвет крольчатами, если ты раз и навсегда вступил в неизменный круговорот, освоил метод. Вам, наверное, хочется узнать, к чему все эти хлопоты, весь этот клевер и сеньора де Молина. Не разумнее ли было бы сразу же уничтожить крольчонок и... Ах, вот если бы вас хоть однажды вырвало крольчонок и вы бы вынули его двумя пальцами и положили себе на раскрытую ладонь, ощущая, что он все еще связан с вами самим своим появлением на свет, несказанным трепетом только что прервавшейся близости! Месяц самостоятельной кроличьей жизни так отдаляет его от вас; месяц означает длинную шерсть, прыжки, натуральную величину, дикий взгляд, полнейшую несхожесть. Андре, месяц жизни — это уже кролик, за месяц крольчонок становится настоящим кроликом; но первое мгновение, когда в копошащемся теплом комочке скрывается неотчуждаемая жизнь... Как только что написанное стихотворение, плод Идумейской ночи: оно до такой степени твое, чуть ли не ты сам... а потом до такой степени не твое, такое отдельное и отчужденное в своем плоском белом мире величиною с листок почтовой бумаги.

Со всем тем я принял решение уничтожить крольчонок, как только он родится. Мне предстояло прожить у вас в доме четыре месяца: четыре — если повезет, три ложечки алкоголя, по одной на каждого. (Известно ли вам, что есть милосердный способ убивать кроликов: достаточно дать ложечку алкоголя. Говорят, от этого мясо у них становится вкуснее, хоть я... Три либо четыре ложечки алкоголя, затем в унитаз или в мусорный ящик.)